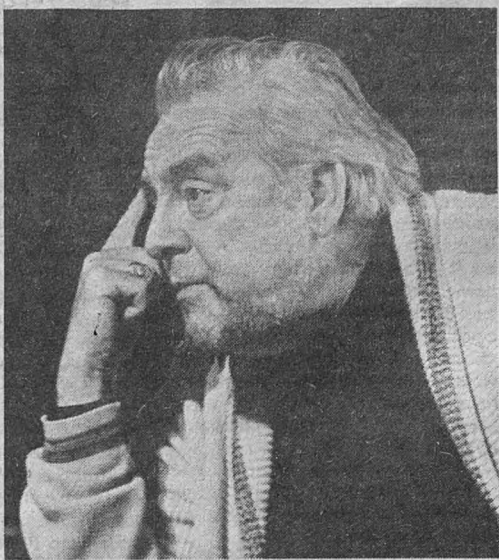

«ЗДЕСЬ СТОЛЬКО ЛИР ПОВЕШЕНО НА ВЕТКИ...»

Андрею Гончарову — 75 лет

Двадцать пять лет пролетело как одно мгновение. Помню, как Мария Ивановна Бабанова, к тому времени уже мало игравшая, уставшая от неразберихи в театре, от укоров и ремесленничества после смерти Охлопкова, узнала, что в Театр имени Вл. Маяковского назначен новый главный — Гончаров. «Не тот ли, кто был связан с Лобановым?» — спросила она, поскольку в Театр на Малой Бронной она не ходила, и только слышала, что там был Гончаров, «но тот ли это или другой», она не знала.

Гончаров — ученик Горчакова — встретился с Лобановым в апреле 1942 года, когда вышел из госпитала и фактически находился в поисках работы. Спустя семь лет Андрей Александрович поставил в Театре имени М. Н. Ермоловой «Благочестивую Марту» Тирсо де Молина. В то время было много спектаклей, в которых кастаньеты, плащи и шпаги составляли «испанский» набор. Гончаров ставил наперекор традициям. Его занимала мысль об Испании выжженной и голодной. Он знал, что такое бедность и отчаяние.

С Лобановым было связано счастье. Его замечаниям Гончаров, по природе человек недоверчивый, верил. Лобанов все время говорил, что время обязательно корректирует события, вещи, образы, тем и жива классика, поскольку она будит ассоциации, без которых нет искусства. Гончаров это запомнил навсегда. Его дерзкий и насмешливый «Банкрот» с Гундаревой в главной роли обозначил собой не только яркость и выразительность современного прочтения классического произведения, но и глубину горькой насмешки над жизнью, которая в своей сути мало изменилась, хоть и произошла смена исторического времени.

Впрочем, в Театр имени Вл. Маяковского он пришел уже сложившимся мастером, художником, твердо знающим, что именно он хочет, и человеком, верящим в сущности только самому себе, ну, может быть, Вере Николаевне, своей жене, которую любил, с которой прожил всю жизнь, переменчиво, страстно, сумбурно и привязчиво. Ее потеря им не пережила, и вряд ли ее можно пережить, когда полвека вместе...

Что бы ни ставил Гончаров — его спектакли пронзительны и живописны, смелы и доходчивы, а главное азартны, хотя в будничной жизни он совсем не азартный человек. Характер у него трудный, мучительно трудный для других и для самого себя. Это сегодня, когда исполнилось 75, Андрей Александрович кричит меньше, гораздо меньше, а так, в старые времена, голос был слышен по всему Собиновскому переулку. То, что было понятно ему, не сразу улавливали актеры, и он нервничал. Впрочем, он нервничает всегда, когда ставит спектакль. Ставит долго, иногда очень долго, «годами». В Америке, где установлен железный канон — шесть недель, — его как режиссера не было бы никогда. Но и режиссеров масштаба Гончарова в Америке можно пересчитать по пальцам. Он все это знает и

оттого не любит уезжать из дома, всегда стремится домой.

Его первые спектакли на сцене Театра имени Вл. Маяковского были «Два товарища» по Войновичу и «Дети Ванюшина» Найденова. «Два товарища» — спектакль лирический, тонкий — шел недолго, но навсегда остался в памяти, а «Дети Ванюшина» стали событием. Жанр «драмы-фарса», в сущности, на театре был открыт им. «С ориентацией на городской фольклор, на уличные интонации».

Гончаров не ставит бытовые спектакли. Как режиссер он полон скрытых страстей и неукротимого темперамента, яростного и воспаленного. Как мало кто, он умеет сохранять напряженность и драматизм. Этот по духу русский режиссер, не любящий бывать на Западе, неутоно чувствовавший себя в Нью-Йорке, первым в стране открыл великую драму двадцатого века — «Трамвай «Желание» Теннесси Уильямса. Не вступать с автором в спор он не может, и потому переделал финал. В споре с Уильямсом не победил, на словах долго отстаивал свою правоту, а спорить с ним самим бесполезно, для этого он слишком нетерпим. Однако, когда спустя годы ставил «Кошку на раскаленной крыше», он уже не отступал от текста. Оба спектакля идут по сей день. «Трамвай «Желание» — двадцать третий сезон, «Кошка на раскаленной крыше» — одиннадцатый.

Позия и гротеск — его излюбленные приемы. Гончаров умеет из ничего создавать карнавальное зрелище. В 1984 году обстоятельство заставило его поставить шоу-буфф «Агент 00» Генриха Боровика с Гундаревой в роли Мадам. Пьесы не было, а зрелище он сотворил, и в этом его режиссерское мастерство. А цену «Агенту...» он знал лучше, чем кто-нибудь другой.

Когда Андрей Александрович прочел повесть Бориса Васильева «Завтра была война», он загорелся. Спектакль поставил горький, укрупнив все драматические мотивы. То давнее время, кровавое, было пережито им самим, и все, что прожил он, вложил в эту «повесть о юности». Успех был огромный, в Лондоне во время гастролей театра, английские критики называли Гончарова «мастером первой величины».

Недрузи (а Гончаров умеет их плодить, как никто) упрекают Театр Маяковского, называя его искусство «коммерческим», без оттенков, полутон и нюансов, но Гончаров не обороняется от злых речей. «Коммерческий театр» — тот, куда ходит зритель, хотя само слово «коммерция» вызывает у него раздражение и чуждо его натуре. Театр Маяковского — один из самых посещаемых за последние двадцать пять лет. Даже, когда наметился спад зрительской активности, «Закат» Бабеля, «Леди Макбет Мценского уезда» по Лескову и «Кошка на раскаленной крыше» Уильямса делали свое дело.

Да, Гончарову знакомы и спады, и паузы, и тогда он уходит в учеников, репетирует до одурения, мощно, без усталости, за-

бывая, что болит сердце, что годы летят стремглав и надо делать остановки, но он не уступает в жизненной борьбе.

Помню, как он увлекался талантом Дорониной, поставил с ней и Лазаревым «Человека из Ламанчи», мюзикл, ошеломивший зрителей неожиданным воздухом бродвейского театра. Много ставил Радзинского. Так в спектакле «Беседы с Сократом» Доронина сыграла у него одну из лучших своих ролей. Для нее Гончаров сделал «Да здравствует королева, виват!» Роберта Болта, настоящий боевик, в котором актриса чувствовала себя, как рыба в воде. Это особое умение режиссера давать актерам «крупный план» и одновременно помогать им вести другой, безмолвный диалог с партнером, зрителями и судьбой. А потом разрушилась «связь времен», и Доронина из театра ушла, что из этого вышло, теперь всем известно.

Дар общения — не главное свойство этого художника, он умеет вступать в контакт и разрушает барьеры между собой и людьми, только когда одержим спектаклем. Оттого его «союзы» обрываются на полуслове, иногда Гончаров горюет от этого, горюет молча, без слов. Так случилось у него с Сухаревской, одной из самых больших наших актрис, которую он любил, как я писал когда-то, «невнимательной любовью». Цену ее таланту он знал всегда, и, когда ставил с ней «Мать» Чапека, и «Визит дамы» Дюрренматта в Театре на Малой Бронной, один из лучших своих спектаклей. В нем было множество неожиданных оборотов и много тоски, иногда хмельной, иногда хамоватой, и сжималось сердце, когда в финале Сухаревская — Клер бесцельно брела по сцене, похожая на безумную старуху, разваливающуюся по кускам. В 1976 году Гончаров поставил с ней и Б. Тениным «Старомодную комедию» Арбузова, раскрыв в этой мелодраме богатство внутренних линий и обостренную современность.

Он человек увлекающийся, загорается, остывает, долго думает, спорит, не соглашается, но не забывает своих увлечений. В этом большом, резком режиссере таится странная душа. Вот умер Эфрос, они никогда не были близки, но именно у него в театре сейчас восстановили эфросовский спектакль «Наполеон Первый» Брукнера с Ольгой Яковлевой в главной роли, которую Гончаров пригласил в театр, что не сделал никто из тех, кто был близок к Эфросу. Память о прошлом и долг перед настоящим — моральные предпосылки его жизни, они определяют его переменчивое настроение, прозу неотменяемых обязательств.

Многое сегодня нас всех озадачивает, сбивает с толку, но пока Гончаров на месте, Театр Маяковского принимает на себя ранящую остроту Времени, которому пытается бросить вызов своей, особой гончаровской культурой, внутри которой преданность делу в его высшем смысле.

Виталий ВУЛЬФ.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФОНД «РУССКИЙ ТЕАТР»

основан недавно. Его цель — поддержка русского психологического театра и русской театральной школы — школы К. С. Станиславского.

Фонд нацелен помогать людям театра в их профессиональном выживании в условиях рынка. Он будет осуществлять фундаментальные программы: исследования в области теории и истории русского театра и те-

атральной педагогики, издания театральных трудов, финансирование отдельных постановок, организация школ.

В своей работе фонд рассчитывает прежде всего на собственные силы, развивая коммерческую и производственную деятельность. Однако всячески приветствует благотворительные взносы и иную помощь. Президент фонда — народный

артист СССР, профессор А. Гончаров Учредители — Российская академия театрального искусства, Московский академический театр им. Вл. Маяковского, ТОО «Искусство и наука» и ТОО «Маркетинг и биржи». Генеральный спонсор — Русский инвестиционный коммерческий банк «РУСИН-ВЕСТ».